

ИМПЕРСКИЙ СЫСК

От Евгения Сухова

Бросок на выстрел

Евгений Евгеньевич Сухов
Бросок на выстрел
Серия «Расследования
криминального репортера», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10315207
Бросок на выстрел / Евгений Сухов: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80961-5

Аннотация

Вдали от города журналист Аристарх Русаков обнаружил труп мужчины. Убитым оказался водитель риелторской компании Василий Леваков. Журналист попытался поговорить с важной свидетельницей – подружкой убитого, но, как выяснилось, девушка пару дней назад погибла при странных обстоятельствах. Тогда Русаков отправился в охотхозяйство, куда часто приезжал с компанией Леваков. И здесь всплыл один странный факт: незадолго до убийства в охотхозяйстве бесследно пропал заядлый охотник Востриков. Пропал он глубокой ночью, в самом лучшем месте для засады на кабанов, прозванном Афонькиной протокой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	29
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Евгений Сухов

Бросок на выстрел

© Сухов Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Мой триумф, или Звонок от Ивана Ивановича

Моя последняя передача о групповом отравлении жителей Измайлово и окончании расследования этого дела с приложением диктофонной записи, сделанной мной у Ларисы, была настолько эффектной, что затмила мой прошлогодний успех, когда я нашел и изобличил убийцу популярного актера Игоря Санина.

Звонков в нашу телекомпанию, как в день показа, так и на следующий день, было, кажется, более двухсот. Конечно, позвонили почти все «остро отравившиеся», с которыми я свел знакомство (дело касалось непосредственно их, а потому они просмотрели все три передачи моей программы «Загадочные отравления в Измайлово: местная эпидемия или злой умысел?»). Наверное, позвонил бы и мой приятель, старик Храмов, если бы остался в живых, поскольку мы с ним как-то по-дружески сошлись, и, кажется, он мне всерьез симпатизировал, чего нельзя сказать о подавляющем большинстве жителей на нашей планете, и произнес бы гневную речь, типа: «Молодец, парень! Так их, гадских сволочей! Мамоне поклоняются, больше видеть ничего не хотят! Выводи, парень, их всех на чистую воду...»

Лиза Масянина, новая сотрудница нашей телекомпании, посаженная шефом отвечать на звонки зрителей, время от времени, когда мы с ней встречались по работе, докладывала мне об этих звонках, порой подробно пересказывая их содержание.

– Вам опять звонили, Аристарх Африканыч, – говорила она, восторженно глядя мне в глаза. – Мужчина, представившийся Валерием Яковлевичем Колчановским, благодарил вас за ваш профессионализм и смелость, а некто просто Геша просил передать, что с кем, с кем, а с вами он бы дерябнул граммов по пятьсот «белоголовой». А вот Никанор Перов позвонил буквально пятнадцать минут назад и сказал, что с таким человеком, как вы, можно идти в разведку.

– Спасибо, – ответил я, избегая смотреть в сияющие восторгом глаза Лизы Масяниной, или Маси, как прозвали новенькую корреспондентку в нашей телекомпании.

– Вам звонил еще некто Марс Рафкатович, – продолжала Мася. – Он сказал, что «итэ атравительниса Ларисэ настоящая билят». Он что, азербайджанец?

– Он татарин, – слегка улыбнулся я Лизе. Непосредственные девушки мне всегда нравились, есть у меня такая слабость (никак не могу изжить). Они просто умиляют, отчего-то возникает желание их приласкать, шептать им разные слова... Впрочем, о своем умении нравиться такие девушки прекрасно осведомлены и пользуются этим в полной мере,

заманивая мужчин в расставленные сети. Природа у них такая...

– А что такое по-татарски «бият»? – столь же непосредственно спросила Маса, поставив меня в довольно неловкое положение.

– Это не совсем по-татарски, – немного подумав, ответил я. – Это по-русски, но, так сказать, с татарским акцентом...

Маса задумалась, а потом до нее дошло:

– А-а, он имел в виду девушку легкого поведения самого низкого пошиба, которая всем, кто ни попросит, охотно и за малую цену разрешает себя...

– Да, именно такую девушку он и имел в виду, – прервал я добродушную Масю, опасаясь услышать из ее прекрасных уст нечто непотребное.

Бойкая сорокалетняя женщина Маша из женской палаты измайловской клинической больницы на Верхней Первомайской и Эмилия Карловна Кешнер, также отравившаяся молочными продуктами из магазина «Изобилие» на Измайловском бульваре (но к врачам обращаться не пожелавшая), звонили в редакцию несколько раз, пока не вышли на меня напрямую, чего и добивались. Маша хвалила меня, говорила, какой я молодец, что нашел эту «подлюку», травившую людей, и что если бы таких, как я, было бы больше, то и жизнь наша стала бы чище и лучше.

– Спасибо, но вы мне льстите, – мягко ответил я, сооб-

ражая, какую бы подобрать причину поуважительнее, чтобы побыстрее отделаться.

– Отнюдь, она ведь... – произнесла Маша с жаром, употребив затем словечко, совсем ей не свойственное, и заключила наш разговор словами: – В общем, я вас очень уважаю и горжусь, что с вами знакома. И даже немножечко люблю, – добавила она многообещающе.

Как реагировать на признание, я определенно не знал. Ну, право, нельзя же воспользоваться беззащитностью женщины!

– Спасибо, – выдавил я. – Честное слово, от души.

– И это все? – Кажется, она даже немного обиделась.

Эмилия Карловна говорила много дольше. Сначала рассказала мне, что совсем выздоровела и теперь с опаской будет относиться ко всему молочному, потом спросила о моих планах на ближайшее десятилетие, но таковых у меня не наблюдалось. А затем повторила свое приглашение заходить к ней без стеснения «если что», сказанное еще тогда, когда мы со Степой были у нее на квартире и брали интервью. Я, конечно, поблагодарил славную даму за приглашение и ответил, что, «если что», непременно ее навещу. Без стеснения...

И тотчас о ней забыл.

И еще один звонок, но совсем из иной «оперы». К телефону просили именно меня, я находился рядом, поэтому и взял трубку. Мужской голос взволнованно потребовал конкретно

Аристарха Русакова. Когда я сказал, что это я и внимательно его слушаю, голос произнес:

– В овражке на Лесопильщицком пустыре прямо напротив Сокольнического мелькомбината лежит труп. Когда он был человеком, то есть живым... его звали Василий Анатольевич Леваков. Ему двадцать восемь лет, он работал водителем в компании «Бечет». Вам, надо полагать, это будет интересно...

– Простите, а кто говорит? – спросил я, невольно удивляясь звонку.

– Иван Иванович Иванов, – зычно ответил голос.

– А почему вы звоните мне, а не в полицию?

– В полицию, надо полагать, позвоните уже вы, – услышал я в ответ. – Когда обнаружите труп.

– Это чтобы меня записали в подозреваемые? – поинтересовался я с большой долей сарказма, продолжая надеяться, что сказанное всего-то глуповатый розыгрыш. Бывает, еще и не такое по телефону услышишь.

– Ну что вы! – Кажется, человек на том конце провода даже усмехнулся. – Подставлять вас никто не собирается. Тем более такого замечательного репортера. О вас весь город говорит!

– А почему вы звоните именно мне? – не унимался я.

– А потому, что вы специализируетесь на подобных случаях, – ответил мне человек, представившийся Иван Ивановичем Ивановым. – И у вас неплохо получается раскрывать

преступления и отыскивать преступников.

– И вы хотите, чтобы это преступление было раскрыто именно мной?

– Я хочу, чтобы это преступление было просто раскрыто. У вас это получается очень хорошо. Вот и все, надо полагать...

– Иван Иванович, погодите, погодите, – торопливо произнес я, чувствуя, что человек на том конце провода сейчас завершит разговор. – А что вы можете еще сказать об этом Левакове? Вы его знаете?

– Больше ничего, – ответил господин Иванов. – Что хотел, я все сказал. Желаю удачи...

Связь прервалась. Я положил трубку и какое-то время смотрел на телефонный аппарат. Интересное кино получается... Такого со мной еще не бывало. Впрочем, с человеком все когда-нибудь случается впервые. *Надо полагать...*

Я вздохнул, поднялся и потопал к шефу.

– Разрешите, Гаврила Спиридонович?

– Да, проходи, – краем глаза взглянул на меня шеф и снова углубился в ворох бумаг. Что это были за листки, я, естественно, не знал, но, судя по его сосредоточенному взгляду, они являлись носителями весьма важной информации.

– Мне тут позвонили, – начал я.

– И? – не поднимая головы, спросил шеф.

– И сообщили, что на Лесопильщиковом пустыре пря-

мо напротив Сокольнического мелькомбината в овражке лежит труп некоего Василия Анатольевича Левакова, двадцативосьмилетнего водителя компании «Бечет», – сказал я таким бесцветным тоном, как будто речь шла о чем-то несущественном и маловажном. Да и заглянул-то случайно, только потому, что мимо проходил.

Гаврила Спиридонович резко поднял голову и посмотрел мне в глаза. В них он прочел мою неумную готовность мчаться сломя голову по первому приказу шефа хоть к горизонту, хоть за его линию, сметая на своем пути все преграды (и ведь не ошибся!), и обнаружил истый верноподданнический блеск (вот здесь можно было и поспорить).

– Кто позвонил? – вежливо отведя взор, поинтересовался шеф.

– Иван Иванович, – просто ответил я.

– А кто это – Иван Иванович?

– Понятия не имею. Он так представился: Иванов Иван Иванович.

– Ясно, – констатировал шеф. – Стало быть, очередной аноним. Они всегда так представляются.

– Возможно, что и аноним, – согласился я с выводом шефа. – Но мне почему-то показалось, что он не врет.

– Интуиция, стало быть?

– Ага.

– И почему показалось?

– Не знаю. Почему-то...

– Ясно. И что ты от меня хочешь?

– Степу и машину со Степанычем, – быстро проговорил я. – Хочу все же сгонять на этот Лесопильщиков пустырь. Если трупа там нет, снимем со Степой передачу об этом пустыре. О нем много разных слухов ходит... Там ведь раньше кладбище заброшенное было. Призраки, и все такое.

– Хорошо, сгоняй, – немного подумав, ответил шеф, не решаясь смотреть мне в глаза.

– Спасибо, – лучезарно улыбнулся я.

На том и порешили...

Глава 2

Тайны Лесопильщикова пустыря, или Матренино проклятье

О Лесопильщикове пустыре и правда ходило много слухов. Находился этот пустырь между двумя железнодорожными путями, по которым перегоняли в отстойники пустые составы. Пути сходились клином в один железнодорожный путь, и получался треугольник, с двух сторон ограниченный этими самыми путями, а с третьей стороны упирающийся в какие-то наполовину заброшенные мастерские, огороженные кирпичным забором.

Со стороны Сокольнического мелькомбината проехать на пустырь не представлялось возможным, поэтому наш водитель Степаныч повернул с улицы Небрунова обратно на улицу Русакова, затем пересек Лесопильщиков переулочек и въехал в узкую улочку, застроенную двухэтажными каменными и деревянными домами, кажется, брошенными или вот-вот собирающимися таковыми стать.

Проехав до конца улочки, мы уперлись в бетонный израненный забор с торчащей во все стороны арматурой. Вдоль него шла узкая дорога, и мы поехали по ней в надежде найти где-нибудь ворота. Ворот не было, зато метров через двести вдруг обнаружилось, что две бетонные секции в заборе

напрочь отсутствовали, давая возможность проехать на пустырь. Степаныч повернул налево, въехал на пустырь и метров через сто встал, поскольку дальше шел бурьян высотой по грудь, а что было под ним – неизвестно.

– Все, приехали, – безрадостно объявил он и заглушил мотор. Мы со Степой вылезли, ступив на землю пустыря и озираясь по сторонам с некоторой опаской...

Пустырем он стал не так уж и давно. В конце шестидесятых прошлого столетия, когда еще не было ветки от Казанского вокзала в Николаевский отстойник, здесь стояли двухэтажные деревянные бараки, порой попадавшие нам на глаза, когда мы ехали сюда от Лесопильщикова переулка. Был здесь пивной павильон, где собирался рабочий люд после трудовой смены на Мелькомбинате № 1 имени наркома торговли и организатора продразверстки Александра Дмитриевича Цюрупы.

Еще раньше, задолго до революции, здесь находилась механическая паровая пилорама и дровяные склады и жили торговцы лесом. Отсюда и такое название ближайшего переулка – Лесопильщиков.

В 1915 году здесь зверски убили местную дурочку Феклушу, девушку шестнадцати лет, безобидную и ущербную умом, никому и никогда не причинившую зла. Напротив, она всем приветливо улыбалась, а мужчинам дарила симпатичные веночки на голову, сплетенные ею из ромашек. Убили ее страшно: ей выкололи глаза, отрезали груди, перед

этим изнасиловав, в том числе и в извращенной форме. Труп Феклуши нашли в овражке на Сокольническом поле недалеко от вальцевой мельницы ржаного помола Товарищества «Антон Эрлангер и К°», с которой (мельницы) и началась история Мелькомбината № 1. Убийц не нашли, и несчастная мать Феклуши по имени Матрена прокляла и это место, и его жителей.

С тех пор место это стало нечистивым. Несколько пожаров, случившихся в том же пятнадцатом году, дотла спалили дровяные склады. Через год взорвалась паровая машина пилорамы. Затем безвестно пропал лесоторговец Фома Астров, что владел пилорамой на паях с гильдейным купцом-лесоторговцем Иваном Стахеевым, человеком богатым, слывшим «миллионщиком».

В июле 1917-го у Стахеева скоропостижно скончалась жена Агния, два месяца спустя холера прибрала всех его шестерых дочерей, после чего он лишился ума и был отправлен в Скорбный дом на Матросской Тишине, где полвека назад провел почти половину жизни известный по всей России прорицатель и блаженный Иван Корейша. Все лесопильное дело перешло в руки сына Ивана Стахеева, Козьмы Ивановича. Но когда зимой восемнадцатого года его пришли арестовывать большевики за связь с белогвардейским подпольем, при обыске не нашли ни единого серебряного рублика, не говоря уж о золоте. Так родилась городская легенда о кладе, спрятанном якобы в одном из подвалов дома Ивана Стахее-

ва. А летом того же года дом со всеми хозяйственными постройками сгорел.

Местные жители не раз пытались отыскать «клад Стахеева». Перекопали почти всю его усадьбу, вдоль и поперек облазили подвалы, что находились под усадебными постройками и до которых в те времена еще можно было добраться, – ничего, пусто.

В конце пятидесятых трое местных пацанов, наслушавшись дедовских рассказов о «кладе», умудрились раскопать вход в один из стхеевских подвалов. Двоих пацанов завалило, и они задохнулись, не добравшись до выхода какой-то метр, а третьему мальчишке повезло – как-то удалось выбраться. Когда он, с дикими глазами, вернулся домой, в его кулаке, перепачканном глиной, был зажат серебряный рубль царской чеканки. Однако добиться у него, что с ним случилось, не удалось. Мальчишка лишился рассудка и потерял дар речи, а волосы на макушке подернулись сединой. При каждом упоминании о произошедшем он начинал неистово и по-звериному выть, высовывал язык, ерошил волосы и, приставив к вискам кулаки, вытягивал вперед указательные пальцы, изображая рога. Поместили его в конце концов в тот же Дом скорби на Матросской Тишине, в которой лет десять назад тихо помер бывший гильдейный купец Иван Стахеев.

Похожая история произошла уже в конце семидесятых. Двое мужиков, знакомые с местной легендой и живущие

неподалеку, всерьез занялись поисками стахеевского клада. Лесопильщиков пустырь в те времена представлял собою площадь с двумя-тремя полуразвалившимися домами-бараками, в которых доживали свой век несколько доисторических старух, еще девчонками бегавших смотреть на торжества в Москве по случаю празднования трехсотлетия Дома Романовых. Строиться здесь больше никто не собирался, поскольку близкое соседство с железнодорожными ветками счастья в жизни отнюдь не прибавляло.

Государство тоже не собиралось приводить пустырь в божеский вид, потому что место для жилья сделалось крайне непригодным. Правда, в семьдесят пятом году здесь началось было строительство какого-то ангара, и даже потянули к нему коммуникации, но когда ангар возвели под крышу, он взял, да и рассыпался как карточный домик, а опоры линий электропередач буквально осели в землю, оставив на поверхности лишь полуметровые концы. Более того, невесть куда пропал сторож Гавриил Михеев, которому было вменено охранять объект от посягательств со стороны жителей улиц Русакова, Небрунова и Лесопильщикова переулков. Последний раз его видели идущим по насыпи по направлению к Казанскому вокзалу и распеваящим псалмы. А когда кто-либо из прохожих попадался навстречу, он задиристо высывал язык, зло ерошил волосы и указательными пальцами изображал у висков рога.

Примерно в то же время на Лесопильщикове пустыре

исчез девятилетний мальчик Петюня, пришедший сюда в поисках сбежавшей козы, поскольку пустырь зарос по пояс травой и животине было чем тут полакомиться. Милиция Петюню искала два дня, весь пустырь прочесали до квадратного сантиметра, но ни Петюни, ни его бездыханного тела так и не нашли. Говорили, что всему виной проклятье Матрены, которое по-прежнему действует на это место, именно вследствие проклятия и превратившееся в пустырь. Тогда же впервые прозвучало, правда, не вслух, а шепотом, загадочное и не очень понятное в те времена слово «аномалия».

Появление этого словечка, привязанного к Лесопильщикову пустырю, было вызвано тем, что бетонные плиты, которые остались после разрушения ангара, стали самопроизвольно двигаться в сторону Лесопильщикова переулка, оставляя за собой явно видимый и глубокий след в земле. А вот следов транспорта, к которому можно было бы прицепить эти плиты, тракторных или колесных, не наблюдалось. Их попросту не было. Загадка! И все это в центре Москвы, менее чем в полутора часах ходьбы от Кремля и в километре с небольшим (а по прямой и того меньше) от Садового кольца и трех вокзалов.

Пополз слух, что Матренино проклятье, столь долго висевшее над Лесопильщиковым пустырем, вызвало возникновение в этом месте некой аномальной зоны, в которой исчезают люди, а предметы, весом во многие килограммы и даже тонны, двигаются сами собой, наподобие знаменитых ползу-

щих камней в калифорнийской Долине Смерти.

Дабы пресечь подобные слухи, власти Москвы первым делом расселили оставшихся старух в новостройки на тогдашние окраины города. Затем навезли сюда горы разного строительного хлама и мусора с других столичных строек, бросили на пустырь мощнейшую строительную технику, расколотили остатки построек, сохранившихся с царских времен, и бульдозерами закатали обломки в землю, выровняв и уплотнив срединную часть Лесопильщикова пустыря до каменной твердости. Нетронутыми остались лишь овраги да часть территории со стороны Новой Переверзевской улицы. Произведя эти обширные работы, власти успокоились, посчитав, что очистили место и от проклятия, и от разного рода аномалий.

Однако не тут-то было...

Эти двое мужиков, Геннадий Хазин и Семен Прасолов, знающие местную легенду и, очевидно, неплохо подготовившиеся, в семьдесят девятом году всерьез занялись поисками стaxeевского клада. У них даже имелся план пустыря, на котором была обозначена усадьба Ивана Стaxeева со всеми ее постройками, в точности оказавшаяся под закатанным в землю мусором. Это обстоятельство их совершенно не смутило и не остановило. Они принялись рыть место, где, по плану, стоял дом Стaxeева. Земля, спрессованная до плотности бетона, да еще вперемешку со щебнем, битым кирпичом, кусками бетона и обломками арматуры, поддавалась скверно,

но они вгрызались в нее с упрямством горняков, рассчитывающих докопаться до угленосных толщ. Конечно, если бы у Хазина и Прасолова не было бы в этом деле интереса, им бы ни за что не сладить с таким неподатливым грунтом. Но ими двигали мощнейшие чувства, известные едва ли не со времен Адама, – жажда наживы и любопытство! Именно такая смесь заставляла авантюристов прошедших столетий и нынешних кладоискателей отправляться на поиски сокровищ за тысячи километров от родного дома, подчас безо всякой надежды на успех, или, напрягая пытливым, подчас гениальный ум, изобретать вечный двигатель. А вдруг все-таки получится!..

Наконец мужики-копатели добрались до стахеевских подвалов. Потолки их были сводчатые, выложенные крепкими кирпичами. И внешне строение выглядело как в кино, где непременно фигурировал какой-нибудь разрушенный замок или графские развалины.

Они обследовали весь подвал, но клада не отыскали. И когда уже не осталось никакой надежды, вдруг обнаружился то ли вход, то ли ниша, заложенная кирпичом. Они разобрали кирпичи, и там действительно оказался небольшой вход с тупиком, заканчивающийся капитальной стеной. У этой стены стояли несколько бочек, бок одной из них был расколот, а рядом лежала груда серебряных николаевских рублей...

Что было дальше, мужики уже не помнили. Последнее,

что им удалось запомнить, так это шипение, похожее на то, какое издает баллончик с газом, когда его закачивают в сифон с водой, делая газированную воду.

А потом у них начались галлюцинации: из стены тупика, толщиной минимум в полметра, вышли лохматые чудища с рогами и стали дышать на них смрадом, скалясь и громко гогоча. Один из мужчин, Семен Прасолов, вообще, по его собственным словам, *вышел из себя* и стал наблюдать откуда-то сверху за самим собой и своим товарищем. А чудища все прибывали и прибывали, выходя из каменных стен подвала, будто состоящих из облаков. Геннадий Хазин бросился наутек, крича что-то неразборчивое и несвязное. Этот крик услышал Прасолов. На мгновение он пришел в себя, схватил горсть серебряных рублей, что лежали возле расколотой или разошедшейся бочки, и тоже кинулся бежать.

Когда он выбрался наверх, Хазина нигде не было. Геннадий так и не пришел домой. Пропал. Последними его, очевидно, видели рабочие из ближайших мастерских, расположившиеся на территории пустыря, чтобы в тиши и подалее от начальства выпить водочки и закусить ее килькойпряного посола. Они рассказывали потом пожилому следователю, что вел это дело, будто бы какой-то мужик с всклокоченными и стоймя стоявшими волосами (не иначе как от ужаса) с диким ревом вдруг выскочил буквально из-под земли и бросился бежать в их сторону. Когда он пробежал мимо них с высунутым языком, то приставил к вискам сжатые в кула-

ки ладони с выставленными вперед указательными пальцами, словно изображал рога. Этот ополоумевший мужик тотчас пропал, как если бы его не было вовсе. С тех пор Хазина никто больше не видел.

А Семен Прасолов пришел домой с дикими глазами, запорошенными кирпичной пылью волосами и с зажатым в кулаке серебряным рублем царской чеканки. Было похоже на то, что какая-то сила, находящаяся в стახеевском подвале и охранявшая клад гильдейного купца-лесоторговца, забирает ум искателей клада и одаривает их за это одним-единственным серебряным рублем.

Прасолов и правда лишился ума. Бессвязно рассказав домашним и соседям, что произошло с ним и Генкой Хазиным, он окончательно впал в беспамятство, перестал кого-либо узнавать и был отправлен в тот же Скорбный дом на Матросской Тишине, носивший название уже не Преображенского Желтого дома, а психиатрической клинической больницы № 3 имени Владимира Алексеевича Гиляровского.

В начале девяностых на Лесопильщикове пустыре снова стали прокладывать коммуникации для какого-то нового строительства, однако распад Советского Союза и прочие прескверные события, происходившие в стране в тот период, не дали завершить это строительство. Оно было заморожено на неопределенный срок, что местные старожилы опять незамедлительно списали на Матренино проклятье.

Так и жил Лесопильщиков пустырь своей особой жиз-

нию, отличной от жизни столичного города. Вокруг пустыря, или, как называли его некоторые журналисты, любящие покопаться в тайнах и пощекотать нервы своих читателей, «Лесопилыщиковой аномальной зоны» и «Московского мистического треугольника», вырос забор. Но это, скорее всего, не пустырь отгородился от города, а город отмежевался от странного и ненужного ему места. Этот пустырь даже как бы не был Москвой, хотя входил в самый дальний конец Красносельского района и граничил с Басманным и Сокольническим районами. Он явно не желал принадлежать городу, выламывался из него, как некий чужеродный элемент, который существует сам по себе. «Московский мистический треугольник» был некой нежилой зоной в самом центре Москвы, в котором опасались останавливаться на ночлег даже бомжи. Сюда даже не свозили мусор, поскольку на пустырь не просто было проехать, равно как и пройти.

Вот на какую землю, невольно зябко пожившись, ступили мы со Степой...

А разросшийся бурьян и правда был местами по самую грудь. Ладно, что хоть к оврагам близ забора, которым Сокольнический мелькомбинат огородился от Лесопилыщикова пустыря, вела тропинка. Справа и слева от нее бурьян был изрядно примят, казалось, что тут тащили что-то тяжелое. Я нес треногу, а Степа снимал на камеру происходящее с плеча. Все снимал: и как мы ехали сюда, свернув с улицы Русакова, и как добрались, и как вышли, и диковатую па-

нораму пустыря, и наше бодрое шествие по тропинке. Признаться, аномального я ничего не чувствовал: стрелки часов не крутились в обратном направлении, шнурки на ботинках самопроизвольно не развязывались, камера у Степы работала исправно и не вырубалась сама по себе. Все как обычно... Правда, одно странное обстоятельство я все же заприметил: небо над пустырем как-то быстро менялось. Облака над ним проплывали не медленно, что неизменно в обычных условиях и едва заметно для глаза, а буквально проносились над головой, как бывает лишь в ускоренной съемке, словно хотели побыстрее миновать злополучное место.

А вот и сам овраг, начинавшийся возле железнодорожной ветки, что выходила с территории мелькомбината и вела в никуда – в заросли бурьяна и травы. Мы подошли к его краю, но на дне ничего не обнаружили. Спустившись в овраг, глубина которого не превышала полтора человеческих роста, пошли по его дну и скоро наткнулись на большой холщовый мешок. Он был прикрыт ветками, бурьяном и травой, выдернутыми из склонов. Крови под мешком не наблюдалось, и это говорило о том, что если в мешке труп, то убили его не здесь и даже не на пустыре, а в каком-то ином месте.

– Ты снял это? – спросил я Степу.

– Снял, – ответил оператор глуховатым голосом.

– Тогда сейчас снимай меня и следи за моими действиями, – приказал я и, подойдя к мешку, старательно очистил его от травы и ветвей.

Мешок в двух местах был замотан широким белым скотчем. Скорее всего, если в нем, конечно, находился труп, скотч шел по линии груди и ног. Верх мешка был завязан обычной веревкой. Поскольку на веревке и скотче могли оставаться отпечатки пальцев преступников, я не решился развязывать мешок и попросил у Степы ножик, который он всегда носил с собой. Оттянув холстину, сделал широкую прорезь примерно там, где должна была, по моему мнению, находиться голова, и когда растянул прорезанные края мешка, то отпрянул от неожиданности – одновременно и на меня, и сквозь меня смотрели глаза, в которых застыли ужас и боль. Потом я увидел лицо, сплошь в синяках и кровоподтеках. У трупа в нескольких местах была пробита голова. Надо полагать, человека, что перестал им быть и теперь находился в мешке, долго били чем-то тяжелым, пока не забили насмерть.

Я уступил место Степе, давая ему снять все, что увидел сам. Потом, когда он направил камеру на меня, встал на дно овражка рядом с трупом и, взяв в руки микрофон, набрал номер полиции:

– Але? Здравствуйте. Это полиция?

– Да, полиция. Слушаем вас, – отозвался мужской заинтересованный голос.

– Меня зовут Аристарх Русаков. Только что, – я посмотрел на часы, – в одиннадцать часов сорок пять минут, сегодня, двадцать восьмого августа две тысячи четырнадцатого

года, мной обнаружен труп мужчины...

– Простите, как, вы сказали, вас зовут? Аристарх Русаков?

– Да, меня зовут Аристарх Русаков. Я сотрудник телекомпании «Авокадо»...

– Может, это шутка такая?

– Нет, это не шутка... Простите, вы будете слушать дальше?

– Слушаю вас.

– Спасибо. Труп находится, – продолжил я, – на территории Лесопильщикова пустыря, в овраге со стороны забора, огораживающего мелькомбинат...

– Обождите, это около Сокольнического мелькомбината?

– Да, около Сокольнического мелькомбината...

– Там, где пустырь?

– Да. Именно так... Труп лежит на дне оврага в мешке, замотанном скотчем...

– Вы скотч трогали? – Голос прозвучал несколько взволнованно. – Развязывали мешок?

– Нет, не трогали...

– Простите, еще раз хотел уточнить, вас зовут Русаков Аристарх?

– Да, Русаков Аристарх...

– Прошу вас, не уходите с места преступления. Сейчас подъедет следственно-оперативная группа.

– Нет, не уйду...

– Только дождитесь. А то знаете, как бывает...

– Я знаю. Не беспокойтесь, я вас дождусь...

Я вырубил связь и стал смотреть прямо в камеру. У меня созрел синхрон для первой передачи программы, посвященной еще одной тайне Лесопильщикова пустыря...

– Сегодня к нам в редакцию поступил звонок, – начал я свое вступительное слово. – Неизвестный, представившись Ивановым Иваном Ивановичем, пожелал разговаривать только со мной. Когда я взял трубку, этот господин, убедившись, что с ним разговариваю именно я, сообщил, что в одном из оврагов Лесопильщикова пустыря, что около Сокольнического мелькомбината, лежит криминальный труп. Более того, господин Иванов сообщил, что убитый – это Леваков Василий Анатольевич, двадцати восьми лет, работавший водителем в компании «Бечет». На мой вопрос, почему он позвонил мне, а не в полицию, господин, представившийся Ивановым, сказал, что предоставляет мне право самому позвонить в полицию, когда я обнаружу труп. Как вы видели, это я уже сделал. Мою просьбу рассказать побольше об убитом Иван Иванович либо не смог, либо не захотел удовлетворить и отключился, пожелав нам всем удачи. На розыгрыш или явную ложь это не походило, поэтому мы с оператором Степаном немедленно отправились на Лесопильщиков пустырь и, как видите, в овраге близ забора, огораживающего территорию мелькомбината, обнаружили указанный звонившим труп. Похоже, что человека, тело которого сейчас находится в мешке, забили до смерти. Что слу-

чилось с этим человеком, почему это произошло и кто повинен в смерти Василия Анатольевича Левакова – об этом и будет наше новое журналистское расследование...

Сказав заключительные слова, я замолчал и посмотрел на Степу. Тот одобрительно кивнул и выключил камеру.

Глава 3

Как меня допрашивал старший опер Фролов, или У каждого российского гражданина есть прямой долг и нравственная обязанность

Полиция приехала минут через сорок (они, очевидно, тоже изрядно поплутали, пока, наконец, отыскали въезд на пустырь). Сначала мы слышали гул приближающегося двигателя, потом он вдруг смолк, и следом громко хлопнула автомобильная дверца, далее послышались обрывки разговора, и затем показались трое полицейских, шумно пробирающихся через траву. Они шли гуськом друг за другом и с подозрением поглядывали в нашу сторону.

– Это вы звонили? – спросил меня старший лейтенант, шедший впереди.

– Я.

– И что? – посмотрел на меня старлей. – Где труп?

– А вот он, – указал я на мешок, лежащий на дне оврага.

– Что это?

– Мешок.

– Я вижу, что мешок, – хмыкнув, сказал полицейский. – И что дальше?

– А дальше то, что в мешке находится труп.

Старший лейтенант, стараясь не перепачкать брючины, спустился в овражек, подошел к мешку и раздвинул разрезанные мною края. На него, как ранее на меня, глянул невидящим взором покойник.

– И правда труп, – без единой эмоции произнес старший лейтенант, видно, на своем веку насмотрелся их предостаточно. – Значит, это вы его обнаружили? – снова посмотрел он на меня и перевел взгляд на Степу, переминающегося с ноги на ногу.

– Мы, – ответил я.

– Интересно было бы услышать, а что вы тут делали... на месте преступления?

– Снимали передачу про тайны Лесопильщикова пустыря, – уверенно ответил я. – Вот и наткнулись.

– Наткнулись, значит, – недоверчиво повторил старший лейтенант. – Ну-ну...

– Да, – подтвердил я. – Увидели тропинку, пошли по ней, вышли к оврагу и обнаружили на самом дне подозрительный мешок. А когда ближе подошли, оказалось, что в мешке – труп.

– И сразу позвонили в полицию? – ехидно спросил старший лейтенант.

– Ага, сразу, – кивнул я для убедительности и посмотрел

на старшего лейтенанта чистым, будто бы колодезный родник, взором. Кажется, старлею даже стало немного неловко от моего взгляда, на чем, собственно, и строился расчет...

– Паша, вызывай следственно-оперативную группу и медэксперта, – обернулся в сторону молодого лейтенанта старлей. – Здесь натуральный криминальный труп. – А потом снова обратился ко мне: – Ну, а теперь давайте по честности, ребята: что вы тут делали? Сюда ж никто не ходит. Даже бомжи. Боятся!

– Наш телеканал решил сделать про Лесопильщиков пустырь передачу, – охотно начал отвечать я. – Он ведь полон неразгаданных тайн, этот весьма странный пустырь. Знаете, Матренино проклятье, которое висит над этим местом; клад купца-лесоторговца Стахеева, сведший с ума нескольких его искателей, таинственные исчезновения людей... Ну, прямо как Бермудский треугольник. А еще сами собой разваливающиеся постройки, причем совсем недавно возведенные, уход под землю линий электропередач... Может, под Лесопильщиковым пустырем имеются некие карстовые пустоты или высохшая подземная река? А такой геологический феномен, как самодвижущиеся бетонные плиты весом в несколько тонн? И все это – в самом центре Москвы! Зрители нашего телеканала, несомненно, заинтересуются.

– А как называется ваш телеканал? – покосился на Степу с камерой старший лейтенант.

– Наш телеканал называется «Авокадо».

– Почему именно «Авокадо»? – удивился полицейский офицер. – Вы на базаре, что ли, работаете?

– К базару мы никакого отношения не имеем. Это название придумал наш шеф, – ответил я, как обычно всегда отвечал, когда кто-либо интересовался названием нашего телеканала. – А объясняется оно следующим образом. Наши передачи, как и сам этот фрукт – авокадо, экзотически вкусны для восприятия, полезны для ориентации в жизненном пространстве и тонизируют, иным образом, не дают расслабиться в гонке за удовольствиями и достатком, чтобы вас не обошли на повороте завистники и конкуренты.

Старший лейтенант быстро сморгнул и отвернулся, очевидно, пытаясь переварить мои слова. Молодой лейтенант смотрел на меня во все глаза, как будто я по меньшей мере был Познером, а вместо хмурого сержанта, что стоял поодаль, на нас со Степой смотрело темным зрачком дуло его автомата «АКСУ».

Наконец подъехали два оперативника в джинсах и рубашках с короткими рукавами и женщина-медэксперт в форме старшего лейтенанта полиции. Она тотчас принялась за осмотр трупа, который ей помогли высвободить из мешка опера. Младший из них стал что-то за ней записывать, старший же подошел к старлею, негромко переговорил с ним, поглядывая на нас, после чего оба лейтенанта, старший и молодой, и хмурый сержант с укороченным «калашниковым» наперевес молчком отбыли, как бы передав нас со Степой с рук

на руки руководителю следственно-оперативной группы.

– Так, значит, это вы обнаружили труп? – обратился он непосредственно ко мне.

– Я, – коротко ответил я.

– Вы что-нибудь тут трогали?

– Нет, только разрезали мешок, чтобы убедиться, что в нем действительно труп.

– Получается, что на мешке могут быть ваши отпечатки пальцев, – констатировал следователь.

– Только в районе прорези, когда я брался за края...

– Ваше имя, – безапелляционным тоном начал допрос старший группы, расположив у себя на колене папку с листком бумаги.

– А ваше? – в свою очередь, спросил я.

– Сначала вы, а то будет нечестно, ведь я же первый спросил, – без малейшего намека на шутку произнес следователь.

– Меня зовут Аристарх Русаков. Я – сотрудник телекомпании «Авокадо».

– Что, и такая у нас есть? – вскинул брови старший опер.

– Есть. Вещаем на Москву и область.

– Кто бы мог подумать... Ну, а меня зовут Игорь Николаевич Фролов, – представился мужчина. – Я – старший следователь ОВД «Красносельский». Кстати, вы не назвали своего отчества.

– А это обязательно?

– Обязательно, – спокойно подтвердил Игорь Николаевич.

– Африканыч, – сказал я.

– Как? – переспросил Фролов.

– Африканыч, – повторил я.

– Надеюсь, это не шутка?

– Ни в коей мере!

– Так что же, выходит, вашего отца звали Африкан? – с любопытством посмотрел на меня Игорь Николаевич.

– Ну, а чему вы так удивляетесь? Простое русское имя...

Причем старинное.

– Понял, – произнес старший следователь. – Итак, Аристарх Африканыч, какая такая нужда занесла вас сюда с вашим оператором?

– Любопытство, – не задумываясь, ответил я. – Простое человеческое любопытство.

– Ну, а это ваше простое человеческое любопытство... чем-то или кем-то все же было вызвано, или я ошибаюсь? Не надуло же его сквозняком.

– Вы правы, – кивнул я. – Любопытство было вызвано звонком некоего Ивана Ивановича Иванова, сообщившего мне, что на Лесопильщикове пустыре в овраге близ Сокольнического мелькомбината лежит криминальный труп.

– Вот это уже интересно. Во сколько он вам звонил?

– В одиннадцатом часу.

– Ага... И вы вот так поверили ему и помчались через весь город на этот пустырь, бросив все свои неотложные репортерские дела? – недоверчиво посмотрел на меня Фролов.

– Да, поверил.

– Почему?

– Я вообще человек очень доверчивый... А потом, он был весьма убедителен, – ясным взором посмотрел я на старшего следователя. – К тому же этот Иван Иванович назвал имя убитого – Василий Анатольевич Леваков, работавший водителем в фирме «Бечет».

– Так, значит, убитый – это Василий Анатольевич Леваков? – переспросил меня Фролов, занеся имя убитого в протокол.

– Так сказал тот, кто звонил, – пожал я плечами.

– Маша! Марья Алексеевна! – обратился Фролов к медэксперту.

– Да, Игорь Николаевич, – отозвалась женщина.

– Вы осмотрели тело?

– Да, – последовал ответ.

– Что вы предварительно можете сказать о нем?

– Убийство, – не раздумывая, произнесла медэксперт. – На теле имеются множественные раны и обширные гематомы; явно сломано несколько ребер, голова пробита в нескольких местах тупыми предметами, причем раны эти очень тяжелые. По всей вероятности, они и явились причиной смерти. Этого человека попросту забили до смерти, но он, судя по разбитым костяшкам пальцев, отчаянно сопротивлялся...

– А документы или бумаги, подтверждающие его лич-

ность, имеются? – поинтересовался Игорь Николаевич.

– Ничего нет. Его карманы совершенно пустые.

– А когда наступила смерть?

– Точно сказать не могу, – ответила старший лейтенант.

– Ну, хотя бы так, навскидку, – настаивал Игорь Николаевич.

– Ну, если навскидку, сутки он тут точно лежит.

– Спасибо, Маша, – поблагодарил ее Фролов.

– Пожалуйста, – отозвалась она, продолжая колдовать над трупом.

– А этот ваш Иван Иванович звонил на сотовый или рабочий телефон? – снова обратился ко мне следователь.

– На рабочий телефон нашей телекомпании, – сказал я.

– А голос у него... какой был?

– Что вы имеете в виду?

– Какие в нем были интонации? Взволнованные или спокойные?

– Он был немного взволнованный, но вообще – спокойный, – ответил я.

– А как вы думаете, судя по голосу, сколько говорившему может быть лет?

– Гм, – глубокомысленно отреагировал я, крепко задумавшись. Какой хороший вопрос задал мне господин старший оперуполномоченный. И почему я еще тогда, когда слышал этот голос, не задался таким же вопросом? Вот что значит профессионал! Теперь надо вспоминать. Итак, его го-

лос. Каким он был? И я стал рассуждать вслух: – Говорил не подросток, это точно. Голос был ровным, без эдаких срывающихся истеричных ноток, свойственных не устоявшимся еще личностям... Он не был резким и слишком громким, то есть человек либо поборол эмоции, вызванные решением позвонить и сообщить о трупe, либо умело их скрывал, а значит, способен достаточно хорошо владеть собой. Скорее всего, ему за тридцать. Молодость скрывать эмоции не умеет... – резюмировал я. – Голос не был быстрым и напористым... И не был тихим и робким... Стало быть, этот человек умеет взвешивать свои поступки, рассудителен и довольно решителен, но без отчаяния. Возможно, ему даже лет под сорок или немного больше... Произносил он фразы четко, речь его хорошо поставлена, выходит, он достаточно образован и наверняка имеет за плечами высшее образование. Еще этот Иван Иванович имеет, скорее всего, гуманитарный склад ума, и за его плечами либо исторический, либо филологический, либо еще какой-нибудь подобный факультет...

– Почему вы так решили? – покосился на меня старший следователь.

– Я вовсе не решил, я только предположил... Этот Иван Иванович сказал такую фразу: «Когда он был человеком, его звали Василий Анатольевич Леваков». В ней, как мне кажется, имеется некий философский подход. Чувствуете: «Когда он был человеком»?

– Да, чувствую, – раздумчиво произнес Игорь Николае-

вич, впервые с любопытством взглянув на меня. – Пожалуй, что вы и правы... А вы что-то можете добавить? – посмотрел Фролов на Степу.

– Нет, – бесцветно ответил тот.

– Я еще могу добавить немного, – сказал я. – Чуть не забыл... Так вот, при разговоре этот Иван Иванович Иванов часто вставляет словосочетание «надо полагать». *Надо полагать*, его сообщение будет мне интересно... *Надо полагать*, я сообщу в полицию сам, когда обнаружу труп... Вам, наверное, такая особенность его речи будет интересна...

– Наверное, – задумчиво кивнул следователь. – Что ж, хорошо. А вы, стало быть, и есть тот самый Русаков?

– В смысле? – удивленно посмотрел я на Фролова.

– В смысле, тот самый, который раскрыл убийство актера Игоря Панина в прошлом году и нашел отравительницу почти тридцати жителей Измайлово – в этом, – пояснил Игорь Николаевич.

– Все эти преступления раскрыли следователи Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, а я лишь вел параллельное журналистское расследование по заданию своей редакции и на добровольной основе помогал следственным органам отыскивать и изобличать преступников.

– У вас это здорово получалось. Вы весьма интересная и знаменитая личность. У нас в отделении только о вас и говорят.

– Вы преувеличиваете.

– Вот только непонятно, как вы все время впереди следственных органов находились. У вас есть какие-то свои оперативные источники?

– Вовсе нет, мне просто где-то повезло. А потом, помогать правоохранительным органам в их нелегкой и крайне полезной работе есть прямой долг и нравственная обязанность каждого российского гражданина, уважающего закон и правопорядок, – отчеканил я и посмотрел прямо в глаза Фролову.

Старший оперуполномоченный хмыкнул и снова глянул на меня с любопытством, даже большим, нежели в первый раз.

Поверил ли он в мои пафосные фразы? Сомневаюсь. Следователи – народ тертый, еще и не таких «златоустов» видели!

Затем последовала еще пара-тройка малозначащих вопросов, после чего Игорь Николаевич произнес:

– Что ж, не смею вас больше задерживать, господин Русаков.

– Спасибо. И до свидания.

– Именно, «до свидания», – подчеркнул Фролов. – Мне почему-то кажется, что мы с вами еще увидимся...

Я лучезарно улыбнулся ему, расписался под протоколом допроса, удостоверив, что с моих слов все записано верно, и мы со Степой, обремененные грузом пережитого, потопали

обратно.

– Что, выключать камеру? – спросил он меня.

– А ты что, все время держал ее включенной? – удивленно посмотрел я на своего помощника.

– Да, как обычно, – ответил Степа и добавил: – Ты же не давал команды ее выключать.

– Не давал, – согласился я, поскольку у нас с оператором Степой Залихватским (такая у него фамилия видная) была давняя договоренность. А именно: если я говорю ему: «не снимай», «выключи камеру», «выруби» или нечто подобное, он демонстративно выключает камеру, а потом начинает возиться в кофре, словно чего-то разыскивая, а сам же между тем включает камеру и незаметно направляет объектив на моего собеседника и снимает действия, развивающиеся рядом со мной. А вот взгляд в его глаза и небольшой утвердительный кивок означал для Степы сигнал, что и правда надо выключить камеру и перестать снимать. Таким образом, мои передачи, в которых я вел журналистское расследование, всегда были во многом документальны и приобретали дополнительную динамику, где присутствовала настоящая интрига с нешуточным накалом...

– Ты молодец, – искренне похвалил я Степу.

На что он скромно, что было ему весьма свойственно, ответил:

– Я знаю...

Глава 4

Дороги, которые нас выбирают, или Что мне грядущий день готовит?

– Привет, Володь, это я, – сказал я в трубку как можно душевнее.

– Ну, – не очень радушно произнес Коробов.

– Скажи, я помог тебе изобличить эту Ларису, отравительницу без малого трех десятков жителей района Измайлово? – начал я издалека.

– Ну, помог, – неохотно отозвался Коробов.

– Я даже где-то рисковал собственной жизнью, придя к ней домой, верно?

– И такое было, – согласился Володька.

– Вы ведь исследовали ту чашку, в которой был чай, предназначенный для меня?

– Ну исследовали, и что?

– И обнаружили в ней сакситоксин, верно? – продолжал я ходить кругами вокруг старшего следователя Главного следственного управления по городу Москве.

– Верно, верно, – недовольно буркнул Володька. – Чего ты все-таки от меня хочешь-то, Старый?

– Вы несколько неправильно поставили вопрос, товарищ майор юстиции, – хмыкнул я. – Вам бы следовало сформулировать его примерно таким образом: «Что вам надо, дорогой друг? В чем у вас случилась нужда? Говорите, уважаемый Аристарх Африканыч, мы обязательно вам поможем... Быть может, всем управлением сразу!»

– Да говори уже, Старый, чего тебе надо-то? – нетерпеливо буркнул Володька, но таким тоном, что мне стало понятно: то, что я попрошу, он непременно сделает.

– Мне надо узнать все о некоем Василии Анатольевиче Левакове, двадцати восьми лет от роду, водителе компании «Бечет». Ну, и о самой этой компании немного: кто ее учредители, кто руководители, чем эта фирма занимается и все ли у нее ровно с соблюдением законов и отчислением налогов в государственную казну, – сказал я ровным голосом.

– Это все? – язвительно поинтересовался Коробов. – А кто убил президента Кеннеди, ты узнать не хочешь?

– На данный момент – нет, – на полном серьезе ответил я. – Не было заказа на это расследование. Пусть это пока остается для меня загадкой... Так когда ожидать результатов по моим вопросам?

– Вечером, – последовал ответ Володьки. – Часиков эдак в семь-восемь я к тебе заеду. Думаю, не на все, но на некоторые интересующие тебя вопросы, пожалуй, отвечу...

– Отлично, буду ждать, – коротко бросил я и нажал от-

бой...

Надо сказать, что за свои тридцать лет я не сильно разобрался в жизни, хотя таковые попытки нередко предпринимал... Зачем она мне дана, кто я в ней, есть ли у меня какая-то особая миссия, которую я должен исполнить, – всего этого я как не постигнул, так, возможно, никогда и не узнаю. Но у меня отчего-то было убеждение, что все это я знать должен. Непременно...

Увы, чем больше у меня за плечами накапливалось прожитых лет, тем меньше я что-либо понимал в жизни.

Вот такая заковырка получается...

Правда, я твердо знал, чего я в этой жизни не хочу и никогда не буду делать, а некоторые вещи понял четко и сразу: к примеру, тот, кто ищет приключений на собственную задницу, непременно их находит. Это в том числе и про меня, поскольку никто не тянул меня в это дело с трупом в овражке Лесопильщикова пустыря...

Ну разве нельзя было попросту сделать передачу о тайнах пустыря, начиная с Матрениного проклятья и клада гильдейного купца Ивана Стахеева, и закончить еще одной тайной – трупом человека по имени Василий Анатольевич Леваков? Трансляция и так получилась бы интересной и весьма насыщенной и, вне всякого сомнения, привлекла бы огромную аудиторию, чего от меня и ждали. И я сполна оправдал бы эти ожидания руководства без особых затрат: временных, материальных и душевных. Так нет же, мне надо было обяза-

тельно втянуться в расследование убийства этого неизвестного мне Василия Левакова и попытаться докопаться до истины.

А зачем она мне, эта правда, если разобраться поконкретнее?

Кто мне этот Вася Леваков? Брат, сват, хороший друг, школьный товарищ, просто знакомый?

Отнюдь. Он мне никто. И живым я его ни разу не видел. Тогда зачем мне потребовалось бросать все свои насущные дела и начинать заниматься его убийством? А может, он был настолько паршивым человеком, что туда ему и дорога!

Может, мне это нужно для того, чтобы раскопать истину?

Тогда возникает следующий вопрос: а где она зарыта, эта истина? И в какую оболочку заключена?

Дело в том, что по-другому поступить я просто не мог: не мы выбираем дороги, а дороги выбирают нас... Да, еще кто-то сказал, что истина – это Бог. А Его познать рядовому смертному невозможно...

Володька пришел около восьми вечера. Голодный и злой (скверное сочетание). Он принес с собой несколько листов бумаги, отпечатанных на принтере.

– На, здесь все, что ты просил. Или почти все. Больше ни о чем меня не спрашивай. И дай, пожалуйста, пожрать.

Я собрал Володьке закуску, пожарил картошку с лучком, достал из холодильника непечатую бутылку благородной

«Белуги» (с некоторых пор я предпочитаю пить только ее) и все это принес в комнату, поскольку кухня располагала только к общению, а моя гостиная – и к общению, и к отдыху. А отдохнуть и расслабиться старшему следователю Главного следственного управления по городу Москве майору юстиции Владимиру Ивановичу Коробову, похоже, ох, как было необходимо.

– Ну, давай по «соточке», – предложил я.

– Я за рулем, – объявил Володька.

– Знаю, поэтому больше предлагать не буду. Сто граммов, хорошая закуска, отдохновение тела и души – это все будет не во вред, а токмо на пользу. Давай, друг!

Мы выпили, закусили и усиленно принялись за картошку.

Возможно, что в приготовлении некоторых блюд я кулинар посредственный, но вот картошка у меня всегда получается знатная. И сейчас я тоже не оплошал: она вышла с золотистой корочкой, хрустящая снаружи и мягкая внутри, прямо тающая во рту. А все потому, что я не валю картошку на сковороду горкой, а делаю максимум всего два ряда, чтобы можно было несколько раз перевернуть. И режу я ее не дольками или кругляшками, а толстенькими полосками. Причем прожариваю так, что все стороны этой толстенькой полоски, даже боковые, покрываются у меня вышеуказанной корочкой.

Через минут сорок Володьку отпустило. Он размяк, раздобрел, на щеках проступил румянец, откинулся на спин-

ку дивана и блаженно прикрыл глаза, наслаждаясь навалившимся покоем.

– Ну что, лучше стало? – спросил я.

– Значительно, – подтвердил Володька. – А то весь день на нервах.

– А что случилось-то у вас такого, что ты приперся злющий, как некормленный тигр? – поинтересовался я.

– Да ты знаешь, ничего особенного и не случилось, а вымотался – до последнего. Теперь у нас все время так... Какая-то текучка идет, но зато столько сил отнимает, что порой просто с ног валишься.

– Это не очень хорошо, – констатировал я.

– Не очень, – согласился со мной Володька.

Мы немного помолчали.

– Ну, давай, колись: зачем тебе понадобились данные об этом Василии Анатольевиче Левакове и фирме «Бечет»? – после небольшой паузы снова заговорил Коробов.

– Чего ты вдруг заинтересовался? – посмотрел я на него. – Дело-то, похоже, рядовое.

– Возможно... – хмыкнул Володька. – Но я же для чего-то старался, поэтому должен знать подробности.

– Отдыхай, знай.

– Да я уж и отдохнул вроде, – заявил Володька. Он и правда выглядел посвежевшим и отдохнувшим. – Рассказывай мне все с самого начала и по порядку.

– Хорошо, – сдался я, хотя, видит бог, не хотел грузить

своего друга своими проблемами. – Так вот... После завершения цикла передач, посвященных расследованию группового отравления жителей Измайлово и изобличению отравительницы Ларисы, на мое имя стало поступать много разных звонков. Звонили отравившиеся, с которыми я познакомился в ходе расследования, просто жители Измайлово, телезрители из других районов и прочие равнодушные московские граждане. Словом, звонков было много, хороших и, как говорится, разных... В числе прочих был один весьма любопытный звоночек... Тот, кто звонил, потребовал конкретно меня. Я принял этот звонок, и человек на том конце провода сообщил буквально следующее: в овраге на Лесопильщиновом пустыре, что против Сокольнического мелькомбината, лежит криминальный труп. Когда труп еще был человеком – а именно так сказал звонивший, – его звали Василием Анатольевичем Леваковым. Ему, мол, двадцать восемь лет, и он, когда был живой, работал водителем в компании «Бечет». Вам, дескать, как человеку, специализирующемуся на подобного рода случаях и их расследованиях, это будет, *надо полагать*, непременно интересно...

– Ты попросил его представиться? – спросил Володька.

– Да, – ответил я.

– И что он сказал?

– Он сказал, что его зовут Иван Иванович Иванов, – поделил я интонацией фамилию, имя и отчество.

– Понятно, – сказал Володька. – Продолжай.

– Тогда я его спросил, почему он звонит именно мне, а не в полицию, – продолжил я. – На что он мне вполне резонно заявил, что, когда я обнаружу труп, сам и позвоню в полицию...

– Он что, подставить тебя хотел, что ли? – предположил Коробов.

– Не думаю, – в задумчивости произнес я. – Точнее, не думаю так сейчас, потому что уже знаю, что труп пролежал там сутки, – добавил я. – А тогда у меня тоже проскочила такая мыслишка. Но *Иван Иванович Иванов* ответил, что не собирается меня подставлять и устраивать какие-либо неприятности, а просто хочет, чтобы преступление это было раскрыто. Что у меня, по его мнению, получается совсем даже неплохо...

– Выходит, труп действительно лежал в том овражке, – скорее констатировал, чем спросил Володька.

– Лежал, – ответил я. – Теперь, наверное, если это действительно Леваков, а не кто-нибудь иной, его труп лежит на столе патологоанатома, который уже вскрыл его, дабы определить точное время смерти и ее конкретную причину. Вот такие дела...

– С кем ты туда поехал?

– С моим оператором. Взяли у шефа машину и двинули на этот пустырь, овеянный столькими тайнами и легендами. Решили, если не найдем труп, так хоть снимем передачу про этот полный загадок Лесопилыщиков пустырь, бла-

го рассказать о нем нашим любопытным телезрителям есть чего... Ну, дошли до овражка, про который говорил Иван Иванович, и обнаружили мешок, замотанный в двух местах скотчем. Я вспорол немного мешковину, чтобы убедиться, что в мешке действительно труп, и увидел разбитое лицо мужчины и глаза, наполненные болью и ужасом. Его, похоже, забили до смерти.

– Это вы зря, – заметил Володька. – В смысле, зря мешок разрезали. Отпечатки пальцев оставили...

– А мы больше ничего не трогали, – ответил я. – А про то, что на разрезе мешковины могут быть мои отпечатки пальцев, я полицейским сказал...

– Значит, ты вызвал наряд...

– Конечно, вызвал. Приехали трое полицейских, опросили нас, увидели труп и вызвали следственно-оперативную группу и судмедэксперта. Те подъехали, следак тотчас меня допросил. А еще краем уха я услышал от медэксперта, что убийство произошло не ранее, чем сутки назад, что Леваков, похоже, отчаянно сопротивлялся и что на его теле живого места нет – так его жестоко били. Сломали ребра, пробили тупым предметом в нескольких местах голову... От этого он, наверное, и умер. А потом засунули тело в мешок, замотали руки-ноги скотчем, привезли на пустырь и бросили в овраг, забросав мешок ветками, бурьяном и травой.

– Кто тебя допрашивал? – поинтересовался Володька.

– Старший опер или следователь, я так и не понял, Игорь Николаевич Фролов ОВД «Красносельский», – ответил я.

– Не знаю такого, – раздумчиво произнес Коробов. – А ты рассказал ему, что этот убитый – Леваков Василий Анатольевич, что работал он водителем в фирме «Бечет», что ему двадцать восемь лет?

– Рассказал и, конечно, предупредил, что эту информацию я получил от некоего Ивана Ивановича Иванова, звонившего в нашу телекомпанию и сообщившего мне о трупе и его местонахождении. Да и как я мог не сказать, Володь? Это ведь мой долг. Как гражданина, и вообще... Утаивание информации от следствия – это не мой стиль...

– Ага, не твой, – покосился на меня Володька. – Рассказывай эти сказки кому-нибудь другому...

– Ты что хочешь этим сказать? – сделал я недовольное лицо. – Что я от тебя когда-нибудь утаивал информацию?

– А что – разве нет? – криво усмехнулся Коробов.

– Нет, – твердо произнес я. – Никогда! А если я тебе вру, то пусть меня покарают органы НКВД по всей строгости советских законов и социальной справедливости, а все мое имущество и накопления передадут в сиротские дома и дома престарелых...

– Хватит заливать, краснобай ты эдакий, проехали, – примирительно, усмехнулся Коробов. – И что ты думаешь делать?

– Сначала ознакомлюсь с информацией, что ты мне при-

нес, – бросил я взгляд на бумаги, – а потом решу, какие следственно-розыскные мероприятия мне надлежит провести. Побеседую с родственниками Левакова, схожу в офис этой компании «Бечет»... По ходу дела видно будет.

– Ну-ну, – как-то загадочно проговорил Володька. – Если станет горячо – обращайся.

– Вот за это спасибо, – искренне поблагодарил я друга. – А сами-то вы в управлении не хотите это дело в разработку взять?

– Знаешь, дел у нас и без того хватает, – посмурился Володька, – только успевай разгребать.

– Понял вас... Вопросов больше не имею, – кивнул я и тут же задал новый вопрос: – Может, останешься у меня?

– А можно? – встрепнулся Володька (похоже, он ждал этого вопроса). – А то уж больно неохота вставать, идти куда-то, тем более после такого славного ужина... Знаешь, разомлел.

– Ну, а чего нельзя-то? – удивился я. – Оставайся, конечно. Вон валетом на диване ляжем, и порядок.

– Ну, мало ли... Может, твоя Ирина придет, неловко как-то.

– Не придет, – теперь уже посмурился я. – Да и не уверен я теперь, что она – моя.

– Что, все так паршиво? – посочувствовал Володька.

– Ну, не то чтобы паршиво, но как-то не так, как хотелось бы. Не убедительно, что ли.

Мне бы хотелось, чтобы наши отношения с Ириной носили иной характер. Чтобы она считала себя моей невестой без всяких сослагательных: «а если вдруг» или «а что, если»... И чтобы я верил, что она моя единственная, и знал, что она думает таким же образом и считает меня своим женихом. Чтобы наши отношения как-то развивались, еще более укреплялись. Но ее устраивало то, что мы имеем на данный момент, то есть когда позволяет время – мы встречаемся, спим друг с другом, вместе ходим куда-то отдыхать, общаемся... А когда времени нет, воспринимаем эту данность совершенно обыденно. Правда, с существенной оговоркой, что остаемся уверенными друг в друге и в том, что, когда позволит время, мы снова будем вместе.

Это плохо?

Пожалуй, нет. Но мне этого было мало. С ней...

Ирине же нужны были отношения ровные, достигшие какого-то определенного уровня, где все было спокойно и тихо, как в океанской бухте: ни гроз тебе, ни штормов. И точка. Дальше идти она не желала, поэтому так и отреагировала на мое предложение пожениться. Правда, однажды она все же пришла ко мне и сказала, что надо поговорить. И мы поговорили. Без упреков, взаимных обвинений, всплесков эмоций, какие нередко возникают между любящими людьми. Ровно и спокойно, как она и хотела и как у нее вполне получилось. И у меня получилось. Для вида... Она сказала, что хотела бы вернуть отношения, которые

сложились между нами до размолвки, но вместе с тем недосказанностью, возникшей в разговоре, дала понять, что двигаться дальше не собирается.

Женщинам вообще свойственна недосказанность, нередко воспринимаемая мужчинами как небольшая ложь, которая, в свою очередь, приводит к серьезному обману. А вот последнего я не заслуживал.

Конечно, всего этого я Володьке не рассказал: делиться переживаниями по поводу личной жизни у нас в привычку не вошло. Но по грусти в моих глазах, по интонации голоса он все понял и не стал больше расспрашивать.

Мы выпили еще по стопарю «Белуги», закусили и улеглись спать. Володька тотчас уснул и засопел, как ребенок, а я еще долго лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. И спроси меня вдруг, о чем я думаю, я бы, наверное, не нашелся что ответить... Возможно, думалось обо всем сразу.

Когда я проснулся, Володьки уже не было. Я поднялся, почистил зубы, умылся и прошел на кухню. Чайник был слегка теплым. Значит, Володька пил кофе или чай. И помыл за собой чашку. Он большой аккуратист: качество, не очень любимое в мужчинах женщинами, но очень полезное для дела, которое Коробов выбрал главным в своей жизни. Собственно, аккуратность полезна для любого дела...

Попив кофейку, я принялся за принесенные вчера Во-

лодкой бумаги. Три из них касались человека по имени Василий Анатольевич Леваков. Я принялся читать первую...

Имя: Леваков Василий Анатольевич.

Национальность: Русский.

Год и дата рождения: 11 мая 1986 г.

Место рождения: г. Москва.

Семейное положение: не женат.

Прописка: г. Москва, Южный АО, Западное Бирюлево, Востряковский проезд, дом 3, корпус 2, квартира 6.

Родственники:

отец – Леваков Анатолий Иванович, погиб в результате автокатастрофы в 2005 году;

мать – Левакова Наталья Андреевна, погибла в результате автокатастрофы в 2005 году;

братья: Иван, 2004 года рождения;

сестры: Инна, 1991 года рождения.

Образование: средняя общеобразовательная школа № 559, ныне школа № 1242...

На втором и третьем листке была вкратце описана деятельность Василия Анатольевича с две тысячи пятого года и по сей день.

У Левакова имелось две судимости...

В возрасте 19 лет он был задержан оперативными сотрудниками с поличным при угоне автомобиля марки «Форд». На вопрос, зачем он это сделал, ответил, что захотел показаться и произвести впечатление на любимую девушку. Ви-

ну свою полностью признал, что в дальнейшем было учтено судебным разбирательством. Было заведено уголовное дело по статье 166 УК РФ, часть 1, то есть неправомерное завладение автомобилем без цели хищения. Судебный процесс состоялся в середине января 2006 года. Учитывая отсутствие судимостей и наличие на иждивении у Левакова несовершеннолетней сестры и маленького брата, суд счел возможным применить наказание, не связанное с лишением свободы, и вынес решение: два года условно.

В 2009 году, через год после погашения судимости, Леваков, в составе преступной группы (так называемой «бригады Гугенота»), посягнул на самое святое, что было в Западном Бирюлево: склады Покровской плодоовощной базы. Причем в то время, когда базой, входившей в состав АО «Новые Черемушки», уже давно владел семейно-мафиозный клан выходцев из Дагестана. А бывший генеральный директор базы Галина Васильевна Падальцына (как ее прежде называли – «Железная Галина»), добровольно или принудительно передав свои акции дагестанским джигитам, растворилась в неизвестном направлении, причем вездесущий МУР и по сей день не может отыскать ее следов. А может, и не очень старается...

Гугенот с бригадой из шести человек, проникнув на территорию плодоовощной базы, совершили разбойное нападение на одно из складских помещений, но вывезли из него не петрушку и помидоры, а две груженые под завязку евро-

фуры пятизвездочного дагестанского коньяка, то ли контрабандного, то ли самопального, что в магазинах стоит немногим более четырехсот рублей. Если учесть, что в каждой фуре стояло по полторы тысячи ящиков вместимостью по двадцать бутылок (а это тридцать тысяч бутылок на фуру), то выходит, бригада Гугенота разжилась шестьюдесятью тысячами бутылок коньяка на сумму двадцать четыре миллиона рублей. Весь коньяк они рассовали ровно за половину стоимости по магазинам, то есть за двенадцать с чем-то там миллионов. Каковые и положили себе на карман, отстегнув, как и положено, известную долю в общак местному «смотрящему».

Это дерзкое нападение, а по сути, вызов кавказскому криминалу, прочно обосновавшемуся в Москве, едва не вызвало криминальную войну в российской столице. Всем было известно, кто за этим стоял, однако руководство Покровской плодоовощной базы сделало вид, что ничего не произошло, сор из избы выносить не стало, и уголовного дела по факту хищения двух фур коньяка заведено не было. Сходка авторитетов, состоявшаяся ровно через десять дней после налета на плодовошебазу, как-то урегулировала ситуацию, и войны между московскими «семьями» не произошло. На Гугенота же навесили штраф, который он, видимо, и не собирался выплачивать. Казалось, все улеглось, ан нет. Через пару недель после хищения фур на продаже неучтенного дагестанского коньяка погорел магазин «Цимус» на Варшав-

ке. Следом за ним прокурорской проверке подверглись магазины в Чертаново, два из которых – «Вино, водка, коньяк» и «Горючка» – также попались на продаже «левого» дагестанского коньяка. Кто-то из допрашиваемых на дознаниях «раскололся» и показал на братков из бригады Гугенота. Дескать, под угрозой крупных неприятностей они заставили принять «паленый» коньячок. В итоге все непосредственные участники кражи, кроме самого Гугенота, на которого никто из арестованной братвы показаний не дал, были привлечены к уголовной ответственности по статье 158 УК РФ, часть 4, то бишь совершение воровских действий в особо крупных размерах организованной преступной группой. По ней же и был вынесен судебный приговор, по которому Вася Леваков получил шесть лет лишения свободы в колонии общего режима.

С начала прошлого года Леваков, освободившись по УДО, в поле зрения правоохранительных органов не попадал и ни в каких преступных группировках не состоял. Через два месяца по освобождению он устроился водителем в крупную компанию «Бечет». Через полгода стал уже возить исполнительного директора «Бечета» Геннадия Викторовича Ионенко и вот уже год является его личным водителем...

Я отложил бумаги. Как будто бы ничего особенного. Случается и такое, что, отбыв наказание, люди берутся за ум и завязывают с криминальным прошлым. Похоже, Леваков уже почти два года является самым что ни на есть зако-

но послушным гражданином. Может, за то, что он завязал, его и убили бывшие дружки? Тогда почему не сразу по выходу из заключения? Почему ждали без малого два года? Или они все это время слезно уговаривали Левакова вернуться к Гугеноту?

Что-то здесь не вяжется.

Листок о компании «Бечет» был один. И имел следующее содержание...

Компания «Бечет» – крупное московское агентство недвижимости. Основано в 1995 году Колупаевым Олегом Дмитриевичем, 1962 года рождения, и Дунаевым Станиславом Николаевичем, 1966 года рождения.

Генеральный директор агентства – О. Д. Колупаев.

Председатель совета директоров – С. Н. Дунаев.

Агентство имеет 16 филиальных отделений по Москве и 2 региональных представительства в Подмосковье. Комиссионные – от 3 до 6 процентов. Спектр риелторских услуг самый широкий:

– обмен, покупка, аренда и продажа квартир, домов, коттеджей, таунхаусов, коммерческой недвижимости, земельных площадей и участков;

– оценка недвижимости;

– создание загородных жилых комплексов.

Согласно оценкам экспертов и статистическим данным, доля компании «Бечет» на риелторском рынке Москвы превышает 12 процентов; на рынке операций с загородной

недвижимостью – около 6 процентов; на рынке операций с недвижимостью коммерческой – 7 процентов; на рынке аренды жилья – 8,5 процента. Количество осуществленных сделок и операций насчитывает несколько десятков тысяч.

В активе компании «Бечет» – 4 реализованных и введенных в эксплуатацию загородных поселка и 2 жилых комплекса в стадии активного строительства и продаж: «Подмосковная Швейцария» и «Дачный». Еще три загородных жилых комплекса находится на стадии проектирования.

Компания «Бечет» – член таких профессиональных объединений, как Российская гильдия риелторов и Московская ассоциация риелторов.

Центральный офис компании находится: ул. Щербаковская, дом 3, строение 3...

Что ж, весьма неплохо. Можно даже сказать, солидно.

По крайней мере, я буду знать, куда пойду и с кем буду иметь дело. А вот общение с руководством риелторской компании «Бечет» надлежало начинать со звонка.

Что я и сделал...

– Алло, здравствуйте. Это главный офис компании «Бечет»?

– Да, здравствуйте. Чем можем помочь? – ответил мне приятный женский голос.

– Мне нужно помочь встретиться с исполнительным директором вашей компании Геннадием Викторовичем Ионенко, – сказал я. – Вы можете меня с ним соединить?

– Представьтесь, пожалуйста, – последовало вместо ответа.

– Да, конечно, – произнес я весьма охотно. – Меня зовут Аристарх Русаков. Я корреспондент телекомпании «Авокадо».

– А какой вопрос у вас имеется к Геннадию Викторовичу? – поинтересовался голос.

– Мне бы хотелось поговорить с господином Ионенко по поводу убийства его личного водителя Василия Анатольевича Левакова.

– Простите, но я не могу вас с ним сейчас соединить, – после недолгого молчания ответили мне.

– Почему? Он не хочет разговаривать на данную тему? Он чего-то боится? Что-то знает об этом убийстве, но пытается скрыть?

– Да что вы такое говорите! – Возмущению в голосе говорившей не было границ.

– А что такое? – с нотками удивления в голосе спросил я.

– Геннадий Викторович просто... просто сейчас очень занят, – ответили мне.

– А когда освободится?

– Не знаю, – последовал ответ уже с заметными нотками раздражения.

– Хорошо, – произнес я ровным голосом. – Я могу записаться к нему на прием?

– Он сегодня не принимает.

– Запишите меня тогда на понедельник, – невозмутимо предложил я. – Если, конечно, господин Ионенко и в самом деле не боится говорить на эту тему и ему нечего скрывать от правоохранительных органов и нескольких миллионов москвичей и жителей московской области, что смотрят наш телеканал. Его отказ встретиться со мной и ответить на некоторые вопросы может быть расценен редакцией как нежелание и даже боязнь говорить на тему убийства его личного шофера, о чем непременно узнают телезрители нашего канала. Вы уж ему об этом скажите, пожалуйста...

Последовала затяжная пауза, в течение которой представительница компании либо советовалась со своим начальством, как со мной поступить, либо думала об этом самостоятельно, что, похоже, давалось ей с трудом. Наконец она произнесла холодным тоном:

– Геннадий Викторович примет вас в понедельник в двенадцать тридцать. До свидания.

Связь оборвалась, но я был вполне удовлетворен. Значит, с исполнительным директором компании «Бечет» господином Ионенко я встречаюсь в понедельник первого сентября. А до этого мне надо сходить к Леваковым. Завтра 30 августа – суббота. Значит, и сестра и брат, скорее всего, будут находиться дома. И вообще, суббота для визитов – день самый благоприятный. Мне кажется, что суббота как-то веселее и праздничнее тяжеловесного воскресенья, в котором голова зачастую занята думами о предстоящем понедельнике.

Со всеми его проблемами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.